

11 - 17 апреля 1996 г.

ЕСТЬ В ЗАРЕЧНОЙ ЧАСТИ Вологды небольшая улица, носящая имя Петра Лаврова. Приобрела она его в начале семидесятых годов вследствие неустанных разысканий и последующих хлопот старейшего вологодского историка, к нынешнему времени - доктора наук и профессора Б.Г. Михайлова. И был в этом, пожалуй, резон: Петр Лаврович Лавров (1823-1900), выдающийся русский общественный деятель и ученый-социолог, полагавший, в отличие от «отцов социологии» Герберта Спенсера и Огюста Конта, что исторический прогресс заключается в увеличении человеческого счастья и уменьшении страдания, жил осенью 1868 года поблизости, на Большой Архангельской. Всего же на Вологодчине (включая Тотьму и Кадников) он провел три года, вплоть до удачного побега за границу.

Буквально «пудами» (по выражению одного редактора) шли отсюда почтой и с оказией (что было надежнее) ученые рукописи Лаврова, анонимно и под псевдонимами публиковавшиеся затем большими статьями в ведущих столичных журналах. Здесь же им были написаны знаменитые «Исторические письма», составившие эпоху в истории русской общественной мысли. И здесь же он пережил необыкновенную романтическую историю...

«Все, что составляло мою личную жизнь...»

А началось все в Тотьме. Знакомая с товарищами по ссылке, Петр Лавров не мог не обратить внимания на Анну Чаплицкую, польку, сосланную за участие в национальном восстании. Образована, обворожительна, энергична, кокетлива... По документам слыла замужней, хотя супруг, чиновник, остался где-то в невосвратном прошлом, в Варшаве. Лаврову - сорок четыре, у него два сына и дочь, а со дня смерти жены не прошло и двух лет. Петр Лаврович был тогда профессором математики в Артиллерийской академии, полковником. Еще впереди были арест и ссылка за ненадлежащий образ мыслей, выразившийся в поддержании найденных у него при обыске стихотворений... «Лавров очень близко сошелся с Чаплицкой, горячо полюбил ее и жил с ней гражданским браком за все время своей ссылки в Тотьме», - вспоминал много лет спустя один из сыновей, Михаил Сажин. Нерасторжимость церковного брака у католиков была, возможно, причиной того, что вспыхнувшую любовь и близкие отношения Петру и Анне приходилось, насколько это было возможно, скрывать. В документах, переписке Лаврова мы не найдем почти никаких сведений о его личной жизни. К счастью, есть и другие источники...

Четыре десятилетия спустя заканчивал двухлетний срок своей вологодской ссылки молодой эсер Феропонт Седенко. Цена Лаврова как владельца дум революционной молодежи, он взялся за изучение вологодского периода деятельности мыслителя, результатом чего стала статья в местном научно-краеведческом сборнике. Вернувшись в Петербург, он сумел собрать и опубликовать воспоминания близких Лаврову людей, живших еще в то время: Германа Лопатина, Михаила Сажина, дочери Петра Лавровича - Марии Петровны Негрескул.

... Марии было 16 лет, когда она приехала на Вологодчину повидать отца. Вскоре вышла замуж за молодого литератора Михаила Негрескула. Счастье было недолгим; феерическое свадебное путешествие по Европе сменилось арестом Михаила по делу «демона революции» Сергея Нечаева, к которому он был совершенно непричастен, заключением в Петропавловскую крепость, чахоткой, смертью... Позже Мария Негрескул занималась общественной и политической деятельностью, унаследовала литературные права отца (в отличие от братьев, оставшихся равнодушными к его делу), сама побывала в вологодской ссылке.

... Из Тотьмы Лавров добился перевода в Вологду. Анна в числе

друзей провожала его. Проводы были шумные, на тройках, с шампанским, но без разрешения полиции. Донос исправника привел к новым большим неприятностям в Вологде и переводу Лаврова в Кадников. Пока же расставание представлялось недолгим: Анна тоже хлопотала о переводе, на крайний случай задумывала побег. Для продолжения хлопот перед губернатором Хоминским она перебралась в Вологду. Чтобы встретиться с Чаплицкой, Лавров тайно приезжал сюда из Кадникова. Помогал им, предоставлял свою квартиру в конце той же Архангельской улицы, чиновник канцелярии губернатора Кедровский.

Такие встречи повторялись, как вспоминал тот же Сажин, раза четыре. Как же удавалось Лаврову выбираться из уездного Кадникова, где за ним был учрежден строгий полицейский надзор? «В Кадникове, - вспоминал мемуарист, - в то время был знаменитый ящик, которого, кажется, звали Кузьмой. Он неоднократно вывозил тайком из Кадникова в Вологду чиновников, желавших здесь покурить... Обратило из Вологды выезжал с таким расчетом, чтобы попасть в Кадников с рассветом, когда весь город спит. Услугами Кузьмы и воспользовался Лавров...»

Получив разрешение на перемещение места ссылки, Анна Чаплицкая вместо того бежала за границу. В следующем, 1870 году бежал за границу и Лавров; его дерзкий побег, организованный Германом Лопатиным, многократно описан историками и беллетристами. Оказавшись в Париже, Лавров попадает в гущу научной жизни, сразу же став действительным членом Парижского Антропологического общества и сотрудником ведущего журнала по антропологии. В Париже он и встретил Анну...

Есть в нашем музее примечательная реликвия: отдельное издание статьи Феропонта Седенко (пи-

савшего под псевдонимом Петр Витязев) с дарственной надписью Марии Петровне Негрескул. Как же отнеслась дочь Лаврова к статье об отце? Ответ мне удалось найти в одном из московских архивов, в одном из писем Марии Петровны:

«Статью Вашу, Феропонт Иванович, конечно, прочла и нахожу, что она, как и все Ваши статьи, очень недурна... Если бы Вы предварительно посоветовались со мной, я наложила бы Veto на сообщения чисто интимные... Проступки известного деятеля подлежат суду потомства, но личные чувства - нет и нет».

Позиция дочери понятна, но исследователю важно было уловить влияние обстоятельств личной жизни ученого на его творчество. Выразился он, правда, довольно неуклюже: отметив, что Лавров жил с Анной Чаплицкой в Париже, доба-

вил, как бы спохватившись: «Хотя они и жили в разных квартирах». Но действительно, общественное ханжество и окружение католиков - соотечественников Чаплицкой - не позволяли Петру и Анне открыто объявить себя мужем и женой. Анна содержала в Париже мастерскую искусственных цветов - литературный заработок эмигранта был слишком ненадежен.

В этой истории осталось дописать последние, печальные строки. Уезжая по делам в Лондон, Лавров не знал, что больше не увидит Анну. Она также внезапно покинула Париж, уехала в Бельгию, затем в Голландию. Где-то в дороге умерла: ни причины, ни подробности этих событий неизвестны. Случилось это осенью 1872 года.

«Смерть Чаплицкой, - утверждал Витязев, - самое трагическое событие в жизни Лаврова». «Ему, - свидетельствовал Сажин, - как он тогда рассказывал, была противна и вся жизнь, и вся его научная работа и деятельность». «... Рухнуло, - признавался в одном из наиболее личных писем сам Лавров, - у меня под ногами все, все, что составляло мою личную жизнь, мне решительно нечем было дорожить... Служба обществу, польза общества одна могла быть целью, а об жертвах теперь не было и речи... У меня теперь и нет ничего, чем бы я мог жертвовать». А Герман Лопатин заключал: «... Внезапная смерть А.П. Чаплицкой опустошила его личную жизнь и побудила его искать забвения в какой-либо более захватывающей деятельности... тогда он обратился к заграничной антиправительственной агитации».

Вся оставшаяся жизнь Петра Лаврова была связана с социальной, революционной деятельностью.

Л. ПАНОВ,
старший научный сотрудник
музея-заповедника.

ФОТО ИЗ АРХИВА

